

Среди многочисленных секретных дел, в свое время заведенных царской охранкой на Л. Н. Толстого и людей из его окружения, выделяется своей жестокостью и цинизмом дело близкого друга семьи Толстых, молодого тульского врача М. М. Холевинской. Оно убедительно показывает, в каких тяжелых условиях приходилось писателю жить и работать, на какие ухищрения пускалось царское правительство, чтобы обезвредить Толстого, заточить его в уже давно приготовленную камеру в Соловецком монастыре.

Мария Михайловна Холевинская родилась в 1858 году в бедной семье. Еще в гимназии она зачитывалась сочинениями Толстого и мечтала посвятить себя служению людям. Ценою больших лишений она получила медицинское образование и стала земским врачом в глухом Крапивинском уезде Тульской губернии. Здесь она не только безвозмездно лечила крестьян, но и учила их грамоте и защищала перед местными властями. Все это снискало ей всеобщую любовь и уважение.

В 1884 году Мария Холевинская переехала в Тульскую городскую больницу и вскоре завела знакомства среди передовых рабочих-оружейников. Тогда же она познакомилась с Львом Толстым и подружилась с его старшей дочерью Татьяной Львовной. Часто бывая в Ясной Поляне, она рассказывала Толстому о тяжелом житье тульских рабочих, среди которых она вела революционную пропаганду. Тульская охранка взяла ее под негласный надзор.

II

Дело Холевинской началось 27 ноября 1893 года, когда по доносу некоей фельдшерницы по фамилии Труша она была внезапно арестована, отправлена в Киев и заточена в тюрьму. Выдвинутое против нее обвинение состояло в том, что, посещая больных рабочих на дому, она вместе с рецептами и лекарствами передавала им подпольные революционные издания, в том числе запрещенные сочинения Толстого. Однако сами издания в руки полиции не попали. И это облегчило Толстому возможность начать хлопоты о ее освобождении.

В конце декабря 1893 года Л. Н. Толстой написал в Петербург известному юристу, сенатору А. Ф. Кони следующее письмо:

«Многоуважаемый Анатолий Федорович, в Туле с одной из моих хороших знакомых, женщиной-врачом Марьей Михайловной Холевинской, случилось нечто тому назад ужасное... событие. Она человек всеми любимой, уважаемой, страстно занимавшийся последнее время устройством приюта для подкидышей и воскресной школы... Ее схватили с жандармами и увезли в Киев. Она нервная, болезненная женщина, и это заключение может погубить ее...»

Нельзя ли сделать так, чтобы ее отпустили пораньше, не замучив ее до смерти. Если можете как-нибудь помочь, помогите и простите меня, пожалуйста, за то, что утруждаю вас. Дружески жму вам руку. Ваш Лев ТОЛСТОЙ».

Другое письмо он направил в Петербург своему родственнику, судебному деятелю А. М. Кузминскому:

«Не можешь ли ты как-нибудь, по своим связям и отношениям, помочь ей. Она слабая, нервная женщина, и все друзья ее боятся, чтобы это заточение не погубило ее».

Оба судебных деятеля немедленно предприняли энергичные шаги. Дело было из Киева затребовано в Петербург. Влиятельный А. Ф. Кони широко использовал свои связи в высших инстанциях и добился своего. 22 января 1894 года он ответил Толстому:

«Что касается до Холевин-

ской, то уже сделано распоряжение об ее освобождении, и департамент полиции не находит препятствий к возвращению ее к прежним занятиям».

Холевинская была освобождена из тюрьмы и вернулась в Тулу.

III

Новое дело М. М. Холевинской началось с того, что в январе 1896 года молодой тульский рабочий И. П. Новиков, часто бывавший в Ясной Поляне, попросил у Толстого его книгу «В чем моя вера?», незадолго перед этим напечатанную в Москве и тут же запрещенную и конфискованную. Книга была издана всего в количестве 50 экземпляров. В момент конфискации Толстому удалось спасти лишь 11 несброшюрованных оттисков — остальные были цензурой изъяты и уничтожены.

Александр ШИФМАН, доктор филологических наук

ДЕЛО МАРИИ ХОЛЕВИНСКОЙ

Так как в семье Толстого всегда ждали обыска, его запрещенные книги хранились не дома, а у друзей и близких знакомых, в том числе у М. М. Холевинской. Отважная девушка сама с интересом читала и других снабжала крамольной литературой. Соблюдая конспирацию, она давала книги Толстому только тем, кому она полностью доверяла, или по указаниям старшей дочери писателя.

На сей раз Татьяна Львовна допустила оплошность. Направив И. П. Новикова к Холевинской, она снабдила его своей подписанной визитной карточкой. Полиции удалось обнаружить у Холевинской эту карточку, а также некоторые гектографированные издания Толстого. Холевинская была снова арестована, и вокруг семьи писателя опять сгустились тучи.

Через два дня после ареста, 17 февраля 1896 года, Холевинской удалось из острога переправиться в Ясную Поляну следующим письмом:

«Дорогая Татьяна Львовна! В ночь с 14-го на 15-е у меня произвела полиция обыск, все перерыли до основания и нашли несколько рукописей Вашего папа и Вашу карточку с просьбой дать подателью что-нибудь из запрещенных сочинений Льва Николаевича. Все это у меня отобрали, и составили протокол, что найдено при обыске. Не знаю, чем это кончится. Насколько я имела самообладание, когда целая ватага полиции и понятых ворвалась ко мне, чтобы произвести подобное насилие, настолько же теперь я положительно не владею собой, глубоко чувствуя всю подлость такого безобразия. Не могу догадаться, что послужило поводом к обыску. Ваша М. ХОЛЕВИНСКАЯ. (Письма Холевинской публикуются впервые.)»

Повод к обыску до сих пор не установлен. И. П. Новиков остался вне подозрений. Ни обыска у него, ни его ареста произведено не было. Впоследствии он продолжал бывать в Ясной Поляне, где к нему относились с полным доверием. Скорее всего, Холевинская допустила неосторожность в другом деле. Так или иначе, но с этого дня начались для нее дни тяжелых физических и нравственных испытаний, а для

Толстого и его семьи — дни тревог и тяжких душевных переживаний.

IV

Находясь в тульском остроге, Холевинская время от времени переправляла письма на волю, в том числе и в Ясную Поляну. В этих письмах она описывала издевательства, которым подвергалась в жандармском управлении при допросах.

Толстой с горечью читал письма Холевинской и на одно из них написал обширный ответ.

«Дорогая Марья Михайловна, — писал он в конце февраля 1896 года. — Сейчас прочел ваше письмо к Тане и не могу вам выразить, как оно огорчило меня. Виною всему я, и меня-то оставляют в покое, а мучают по выбору — мне кажется, они это нарочно делают — тех людей, которым труднее всего переносить эти их нравственные истязания. И вот они выбрали вас».

острог, где ожидала решения своей участи.

V

Подобно тому как он советовал Холевинской держаться на допросах не обвиняемой, а обвинителем, Толстой решил и сам выступать в этом деле не в роли просителя, а в роли обличителя царизма. И он сделал это в виде необычайно резкого письма на имя грозного министра юстиции Н. В. Муравьева и министра внутренних дел И. Л. Горемыкина.

«Дело касается тех преследований, — писал Толстой, — которым подвергаются со стороны чинов Вашего министерства лица, имеющие мои запрещенные в России сочинения и дающие их читать тем, которые их об этом просят. Таким преследованиям, сколько мне известно, подвергалось много различных лиц. Один же из последних случаев был с женщиной-врачом Холевинской в Туле, обысканной, посаженной в острог и теперь допра-

шиваемой следователем по обвинению в распространении моих сочинений». И далее: «Я думаю, что такого рода меры неразумны, бесполезны, жестоки и, главным образом, несправедливы. Неразумны они потому, что нет и не может быть никакого объяснения, почему из тех тысяч людей, которые имеют мои сочинения и дают их читать своим знакомым, выбрана для преследования одна г-жа Холевинская. Бесполезны эти меры потому, что они не достигают никакой цели: пресечения эти меры не достигают, потому что то зло, которое предполагается прекратить, продолжает существовать среди тысяч людей, которых нет возможности всех арестовать и держать в тюрьмах. Жестоки же эти меры потому, что для многих людей, слабых и нервных, какова г-жа Холевинская, обыски, допросы и, в особенности, заключение в тюрьму, могут быть причинами тяжелых нервных болезней, как это и было с г-жой Холевинской, и даже смерти. Главное же — меры эти в высшей степени несправедливы, потому что они не направляются на то лицо, от которого исходит то, что считается прави-

тельством злом... Если же правительство хочет непременно не бездействовать, а наказывать, угрожать или пресекать то, что оно считает злом, то наименее неразумное и наименее несправедливое, что оно может сделать, состоит в том, чтобы все меры наказания, устрашения или пресечения зла направить против того, кто считается правительством источником его, т. е. против меня, тем более, что я заявляю вперед, что буду не переставая, до своей смерти делать то, что правительство считает злом, а что я считаю своей священной перед богом обязанностью».

Отправив письмо, Толстой почувствовал душевное облегчение...

VI

Широко распространившееся письмо Толстого, адресованное двум всевышним министрам царского правительства, вызвало в высших сферах определенную реакцию. По имеющимся сведениям, оно дважды было предметом бурного обсуждения. Некоторые высокопоставленные лица, оскорбленные дерзостью писателя, высказались за принятие против Толстого решительных мер. Это означало — воспользоваться делом Холевинской, объявить Толстого «государственным преступником» и заточить его в Петропавловскую крепость или в монастырскую тюрьму на Соловках. Верх, однако, взяли более осторожные министры, которые опасались, что прямые репрессии против Толстого поднимут на его защиту весь мир. В конце концов было решено письмо Толстого оставить «без последствий», но резко усилить преследование лиц, читающих и распространяющих его запрещенные сочинения.

С. А. Толстая записала в эти дни слова, сказанные министром юстиции Муравьевым в узком кругу:

«Толстого и его семью не тронут, а пусть ему служат наказанием те страдания, которые выносятся его последователями».

Тем временем Холевинская, продолжавшая почти год сидеть в тульском остроге, наконец дождалась решения своей судьбы. Не рискуя устроить над ней открытый суд, на котором Толстой несомненно выступил бы в качестве свидетеля и защитника, царское правительство трусливо приговорило ее к высылке этапным порядком на три года в Астрахань. Город Астрахань был выбран не случайно — Холевинская заболела в тюрьме туберкулезом и местность с жарким климатом должна была ее быстрее погубить...

В эти дни перед Толстым и его семьей с еще большей остротой встал вопрос о дальнейшей помощи Холевинской. Поскольку приговор исходил из самых высших инстанций, его апелляция была бесполезной. Осталось только подготовить Холевинскую в дальнейший путь и по возможности облегчить ее участь на новом месте.

В бумагах Толстого сохранилась небольшая запись, проливающая свет на то, каковы были его дальнейшие действия. С его согласия Татьяна Львовна решила добровольно «арестоваться», чтобы следовать по этапу вместе с больной Холевинской и служить ей в пути. Но, как выяснилось, добровольные аресты разрешались только близким родственникам осужденных. Двигаться вместе с осужденным в качестве частного лица было тоже невозможно, так как общение с арестантами в пути строго запрещалось. Осталось только одно — снабдить Холевинскую деньгами, одеждой, продовольствием...

VII

В конце февраля 1897 года М. Холевинская была отправлена под конвоем в ссылку. О том, что она пережила в пути и в первое время на новом месте, она через два месяца описала в письме к Софье Андреевне. Вот строки из ее письма:

Л. Н. ТОЛСТОЙ. 1896 г. Редкий снимок. Фото П. БИРЮКОВА

Толстой советовал Холевинской и дальше выступать не в роли обвиняемой, а обвинителя.

«Они могут, — писал он, — отбирать, жечь книги, перевозить из места в место, сажать в тюрьмы, но судить они не могут, потому что они подсудимые, и совесть всего человечества и их собственная судит их».

Толстой сообщал: «Хочу попробовать написать в Петербург о том, что если они хотят противодействовать вреду, который я произвожу, то им следует направить свою деятельность не на кого другого, как на меня».

Согласно закону М. М. Холевинская — впрямь до окончания следствия и передачи дела в суд — могла быть временно освобождена на поруки или под денежный залог. На это и были направлены усилия ее друзей, в первую очередь Татьяны Львовны. Есть основания предполагать, что именно она, с согласия отца, передала через третьих лиц 1000 рублей. С участием Татьяны Львовны были подысканы «солидные» поручители. После энергичных хлопот Холевинская была в начале апреля 1896 года временно выпущена из тюрьмы.

Не успела Холевинская и недели побыть на воле, как она снова была заточена в тульский

оштрафованной следователем по обвинению в распространении моих сочинений».

И далее: «Я думаю, что такого рода меры неразумны, бесполезны, жестоки и, главным образом, несправедливы. Неразумны они потому, что нет и не может быть никакого объяснения, почему из тех тысяч людей, которые имеют мои сочинения и дают их читать своим знакомым, выбрана для преследования одна г-жа Холевинская. Бесполезны эти меры потому, что они не достигают никакой цели: пресечения эти меры не достигают, потому что то зло, которое предполагается прекратить, продолжает существовать среди тысяч людей, которых нет возможности всех арестовать и держать в тюрьмах. Жестоки же эти меры потому, что для многих людей, слабых и нервных, какова г-жа Холевинская, обыски, допросы и, в особенности, заключение в тюрьму, могут быть причинами тяжелых нервных болезней, как это и было с г-жой Холевинской, и даже смерти. Главное же — меры эти в высшей степени несправедливы, потому что они не направляются на то лицо, от которого исходит то, что считается прави-

тельством злом... Если же правительство хочет непременно не бездействовать, а наказывать, угрожать или пресекать то, что оно считает злом, то наименее неразумное и наименее несправедливое, что оно может сделать, состоит в том, чтобы все меры наказания, устрашения или пресечения зла направить против того, кто считается правительством источником его, т. е. против меня, тем более, что я заявляю вперед, что буду не переставая, до своей смерти делать то, что правительство считает злом, а что я считаю своей священной перед богом обязанностью».

Отправив письмо, Толстой почувствовал душевное облегчение...

«Выслана я была жестоким образом, — до навигации, во время полой воды, и должна была сделать на лошадях 600 верст при таких удобствах, что после первой сотни верст у меня открылось в дороге кровохарканье. Наконец я в Астрахани, в неизвестном городе, без заработков, без знакомств, без дела».

И далее:

«Я выслана сюда на три года. Но уже двухмесячное мое пребывание здесь, в губительном климате Астрахани, отразилось на мне так, как я и не ожидала... Я несказанно томлюсь от жары, царящей здесь. Во время ветров я окончательно изнемогаю. Я тоскую за травой, за лесом. Мне душно, и я медленно умираю. Говорю не фразу, а это правда. Мне кажется, что я опять оживу, опять буду работать с увлечением; если бы я выбралась отсюда».

Забегая вперед, скажем, что выбраться из ссылки досрочно Холевинской не удалось. Она пробыла в Астрахани полных три года. Но, к ее счастью, она устроилась сиделкой в местной больнице, и это скрасило ее дни, полные тоски и печали. В Астрахани она нашла друзей среди ссыльных революционеров. Горячее участие в ее судьбе приняли ее коллеги — местные врачи, энергично лечившие ее. Семья Толстых, и особенно Татьяна Львовна, поддерживала с ней постоянную связь и помогала ей. Наконец годы ссылки Холевинской окончились, и она вернулась в Тулу и Ясную Поляну.

К тому времени под негласным надзором полиции уже находилась и Татьяна Львовна. Еще в бытность ее в 1891 году вместе с отцом на Рязанщине, где они создавали бесплатные столовые для голодающих крестьян, на нее было заведено «Дело департамента полиции о графине Татьяне Львовне Толстой» за № 1594. В сводной справке, составленной о ней департаментом полиции, мы читаем:

«По сведениям, полученным из секретных источников, Татьяна Толстая вполне разделяет политические и религиозные заблуждения своего отца и служит ему посредницей по сношениям с единомышленниками и по распространению его недозволенных сочинений».

Большое место в деле занимают документы, связанные с арестом и ссылкой М. М. Холевинской. На основании этих данных, а также ряда агентурных донесений тульское жандармское управление в 1900 году снова поставило перед петербургской охранкой вопрос о предании суду Толстого и его дочери. Однако уже ранее обжегшееся министерство юстиции, «руководствуясь дважды выраженными по означенному предмету высочайшими воззрениями в бозе почившего государя императора», отказалось от этого предложения. Оно разъяснило тульским жандармам, что, «в виду особенного занимаемого графом Толстым положения в качестве знаменитого отечественного писателя, возбуждение против него преследования может повлечь за собой крайне нежелательные последствия». Так, спасовав перед всемирным авторитетом Толстого, царское правительство не решилось тронуть и дочь писателя. Дело было замято. И все же семья Толстых осталась на долгие годы под строгим надзором полиции.

М. М. Холевинская, вернувшись из ссылки, восстановила свои связи с тульскими революционерами. Одновременно она поддерживала дружеские отношения с Ясной Поляной. В 1905 году, активно участвуя в революционной борьбе, она снова тяжело заболела. Толстой, по ее просьбе, направил ее в Швецию к отцу своей невестки, знаменитому врачу, специалисту по туберкулезу Э. Т. Вестерлунду, и тот оказал ей большое внимание. Вернувшись в Россию, она покинула Тулу, где за ней охотилась полиция. Дальнейшая ее судьба неизвестна.